

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174

Научная статья

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СРЕДНЕГО КЛАССА СОВРЕМЕННЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ: НА ПРИМЕРЕ ОСНОВНЫХ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА И ЮЖНОЙ СИБИРИ

О.В. Лагутин, Е.О. Негров

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. Статья посвящена особенностям моделей политического поведения представителей молодежи, которых можно отнести к среднему классу. Актуальность исследования состоит в сочетании достаточно фундаментального обзора основных направлений исследования роли участия молодежи в общественно-политическом процессе и привлечения конкретного эмпирического исследования, проведенного осенью 2018 года, что позволяет осветить разные аспекты ситуации. Эмпирическая часть исследования базируется на исследовании «Представления молодежи о возможностях молодежных лидеров и молодежных организаций в России», которое проводилось в конце сентября — начале октября 2018 года в четырех субъектах Российской Федерации — Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающие на территории исследуемых субъектов Федерации. На основе факторного и кластерного анализов представлены основные модели политического поведения молодежи, относящейся к среднему классу. Статья представляет интерес для исследователей темы взаимодействия реального политического процесса и такой значимой группы населения, как молодежь, причем как профессионально занимающихся данной тематикой, так и просто интересующихся.

Ключевые слова: политическое поведение, молодежь, средний класс, общественное мнение, факторный анализ

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая статья посвящена особенностям моделей политического поведения представителей молодежи, которых можно отнести по своему социальному статусу к среднему классу. Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

© Лагутин О.В., Негров Е.О., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая часть исследования в своей основе имеет достаточно обширную теоретическую базу, связанную с определением роли и места молодежи в общественно-политическом процессе. Опираясь на исследования, посвященные политической культуре молодежи [1; 5; 13; 14; 22; 29]; проблемам государственного регулирования молодежной политики [2; 4; 6; 7; 8; 31; 32]; социальных связей в молодежной среде [9; 11; 20; 23; 28; 30]; взаимодействия различных молодежных субкультур [12; 16]; электоральных предпочтений молодежи [15]; особенностям политического поведения молодежи [18; 19; 21; 24], мы пришли к выводу о релевантности использования факторного и кластерного анализов для выводов об используемых моделях политического поведения молодежи на примере крупных агломераций, находящихся в разных частях Российской Федерации — Северо-Западном регионе (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область) и Юго-Западной Сибири (Алтайский край и Новосибирская область).

Развитие традиционных форм политического поведения обусловлено перманентным развитием института государства как такового и в конечном итоге формированием субъектности электорально значимого большинства, рационализацией политического процесса и ростом важности легитимации политической системы посредством политического участия. К традиционным формам политического поведения можно отнести участие в голосовании, политических кампаниях, взаимодействие с органами государственной власти, местным самоуправлением, политическими организациями, личные контакты с политиками, участие в конвенциональных и неконвенциональных акциях и т.д. При этом традиционный набор различных форм политического поведения коррелирует с социокультурным контекстом и особенностями политического режима в конкретной стране и в конкретное время. В этом контексте можно зафиксировать переход от традиционных форм активности к новым формам «прямого» участия [27], связанным в том числе и с самоидентификацией и политическим сознанием. Именно поэтому в качестве объекта исследования выбраны представители молодежи, прямо или косвенно относящиеся к среднему классу, призванному играть все большую роль в изменении общественно-политических процессов. Изучение устойчивости, а также динамики моделей политического поведения российской молодежи, факторов, влияющих на их формирование, может предоставить дополнительные возможности для более эффективного прогнозирования степени политической активности и анализа закономерностей политического поведения молодежи. Важнейшую роль во всех этих процессах должны и будут играть именно представители среднего класса (во всех возрастных группах), т.к. именно они являются движущей силой каких-либо изменений, как инициированных сверху, от самых высоких этажей управленческой вертикали, так и спровоцированных снизу, идущих непосредственно от «глубинного народа» [25].

Собственно, моделям политического поведения молодежи, относящейся к среднему классу, посвящена эмпирическая часть исследования, базирующаяся на исследовании «Представления молодежи о возможностях молодежных лидеров и молодежных организаций в России», которое проводилось осенью (в конце сентября — начале октября) 2018 года в четырех субъектах Российской Федерации —

Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающими на территории исследуемых субъектов Федерации.

Для определения массива данных, относящихся к представителям молодежи, которых можно отнести к среднему классу, в пакете SPSS была произведена операция «Отбор наблюдений» с выбранным критерием отбора наблюдения — логическое условие $IF (v59 \geq 3 \text{ and } v62 \leq 3 \text{ and } v60.1 \leq 3) v60$, где были заданы такие параметры, как: параметры уровней образования, включая начально-профессиональное, среднее профессиональное, неполное высшее и высшее образование; статусная самооценка респондента по материальному критерию, включая средний слой; род занятий, характерный для «среднего класса», включая студентов колледжей (техникумов, училищ), студентов вузов, и лиц, которые совмещают работу и учебу.

Таким образом, получился отдельный массив данных, который можно определить как молодежный средний класс с нефизическим характером трудовой деятельности, профессиональными уровнями образования, для которого выполняется соответствие субъективного подхода для определения среднего класса — самоидентификация респондента к «среднему классу» на основе материального критерия. Данная категория включает в себя 166 респондентов из четырех субъектов Федерации, распределение по которым представлено на рис. 1.

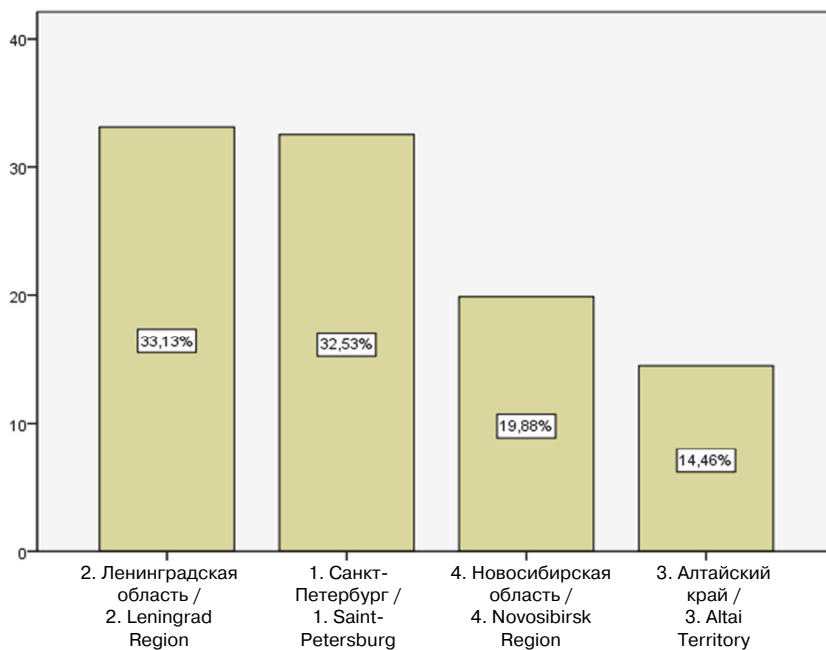

Рис. 1. Распределение представителей молодежи среднего класса по исследуемым регионам (сост. авторами) /

Fig. 1. Distribution of middle-class youth representatives in the studied regions (compiled by the authors)

Из диаграммы, на которой представлено одномерное распределение представителей среднего класса молодежи в исследуемых регионах, можно зафиксировать, что в Санкт-Петербурге и Ленинградской области респонденты данного класса распределились практически поровну (32,53 и 33,13% соответственно). Почти 20% (19,88%) респондентов, которых можно отнести к среднему классу в Новосибирской области и практически 14,5% (14,46%) в Алтайском крае.

Итак, определившись с объектом исследования, рассмотрим теперь его представителей с точки зрения «социальной устойчивости», то есть насколько респонденты удовлетворены уровнем своей жизни, насколько жизнь изменилась для них за последний год и как сильно она, с их точки зрения, улучшится в ближайшее время. Именно этими признаками измеряется в данном исследовании социальное благополучие. Комбинации данных признаков позволяют нам смоделировать три новые переменные — три группы молодежи: «социальные оптимисты», «социальные реалисты» и «социальные скептики». Для создания новых переменных были использованы следующие логические условия: IF ($v56 = 1$ and $v1 = 1$ and $v2 \leq 3$) or ($v56 = 1$ and $v1 = 2$ and $v2 \leq 3$) or ($v56 = 1$ and $v1 \geq 3$ and $v2 \geq 4$) $v70 = 1$ («социальные оптимисты»); IF ($v56 = 2$ and $v1 = 1$ and $v2 \leq 3$) or ($v56 = 2$ and $v1 = 2$ and $v2 \leq 3$) $v70 = 2$ («социальные реалисты») и IF ($v56 = 3$ and $v1 \leq 2$ and $v2 \leq 6$) or ($v56 = 3$ and $v1 = 3$ and $v2 \leq 5$) $v70 = 3$ («социальные скептики»).

В группу «социальные оптимисты» вошли респонденты, считающие, что жизнь в ближайшие пять лет улучшится, при этом за последний год у данной категории молодых людей жизнь улучшилась или осталась без изменений, и они более-менее удовлетворены уровнем своей жизни. К этой группе мы причислили респондентов, также считающих, что жизнь в ближайшие пять лет улучшится, но за последний год их жизнь либо ухудшилась, либо они затруднились ее оценить, а удовлетворенность уровнем жизни желает оставлять лучшего. Данную подгруппу можно условно назвать как «наивные оптимисты», однако мы включаем ее в общую группу оптимистов. К группе «социальные реалисты» относятся лица, которые считают, что жизнь в ближайшие пять лет не изменится, при этом за последний год у данной категории молодых людей жизнь улучшилась или осталась без изменений, и они более-менее удовлетворены уровнем своей жизни. Группа «социальные скептики» включает в себя две подгруппы респондентов, первая из которых считает, что жизнь в ближайшие пять лет ухудшится, и за последний год у данной категории лиц жизнь улучшилась или осталась без изменений; а мнение второй — жизнь также в ближайшие пять лет ухудшится, и за последний год у данной категории молодежи жизнь ухудшилась. Для обеих подгрупп были включены различные уровни удовлетворения своей жизнью. Визуально полученные данные представлены на рис. 2.

Из данных, представленных на рис. 2, можно зафиксировать, что в группу «социальные оптимисты» входит две трети (66,04%) респондентов, группа «социальных реалистов» насчитывает пятую часть (21,70%) от общего количества представителей среднего класса, а группа «социальные скептики» вбирает в себя оставшиеся 12,26%.

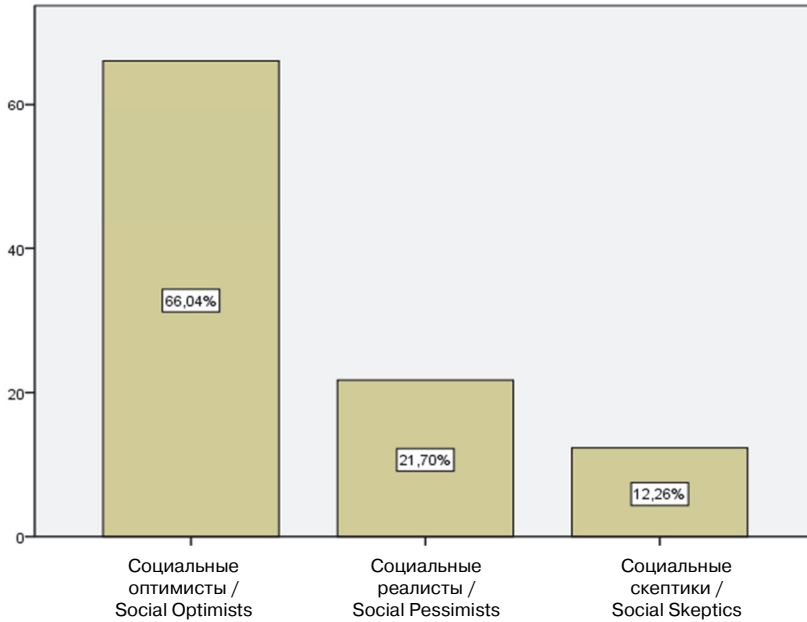

Рис. 2. Диаграмма распределения признака «Социальная устойчивость» (сост. авторами) / **Fig. 2.** The distribution of the variable "Social Sustainability" (compiled by the authors)

Следующий массив данных посвящен такому важному фактору политического поведения, как участие/неучастие в голосовании. На рис. 3 представлено одномерное распределение результатов участия в президентских выборах в марте 2018 года.

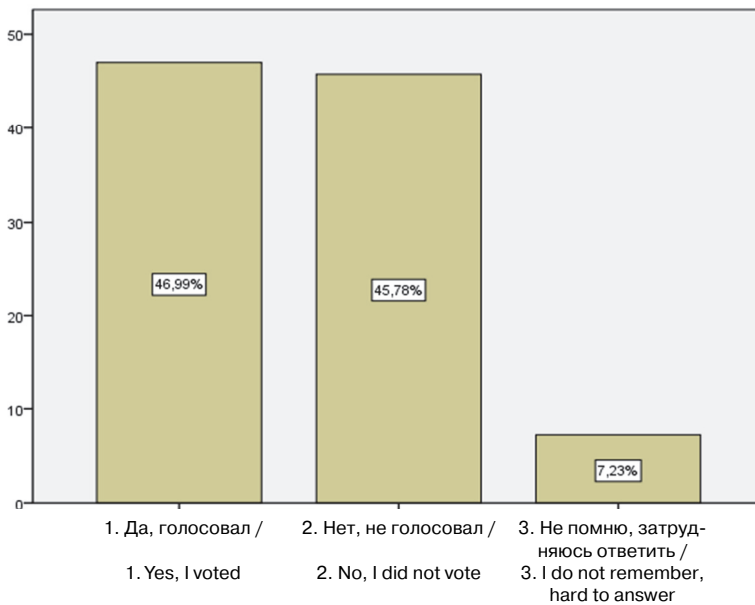

Рис. 3. Участие в президентских выборах в марте 2018 года (сост. авторами) / **Fig. 3.** Participation in the presidential elections in March 2018 (compiled by the authors)

Мы видим, что почти одинаковое количество респондентов распределилось между значениями «голосовал» и «не голосовал» — 47% (46,99%) и 45,8% (45,78%) соответственно. 7,2% респондентов затруднились ответить, что можно объяснить не только временным лагом между временем голосования и проведением опроса, но и сознательным нежеланием отвечать на данный вопрос. Отметим, кстати, что результаты распределения данной переменной среди общего массива выборки — 44,3, 50,5 и 5,2% соответственно, что позволяет сделать вывод о большей политической активности молодежи с более высоким социальным статусом и самооценкой.

Далее, рассмотрим, какой тип государства наиболее предпочтителен для молодежи среднего класса. Вопрос задавался в формулировке «Предположим, только от Вашей воли зависит, на каких принципах строится жизнь в нашем государстве. Что Вы предпочтете? Выберите, пожалуйста, один ответ». Предлагалось 5 существенных вариантов («Государство, которое контролирует исполнение законов и минимально вмешивается в экономические отношения в стране, но при этом люди сами полностью заботятся о себе и отвечают за свою жизнь»; «Государство, где есть хорошие социальные программы поддержки людей, но при этом нужно платить очень высокие налоги — до 50% от дохода»; «Государство, которое боится все соседи, а жизнь в нем строится на принципе доминирования одной нации, остальные ограничены в правах», «Государство, где нет частной собственности, нет резкого имущественного расслоения между людьми, но есть очень жесткий идеологический контроль за людьми» и «Государство, основанное на поддержании традиций, стабильное, но в котором доходы людей очень резко отличаются»), а также 3 амбивалентных («Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов»; «Для меня это не имеет значения» и «Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить»). На рис. 4 представлено распределение ответов на этот вопрос.

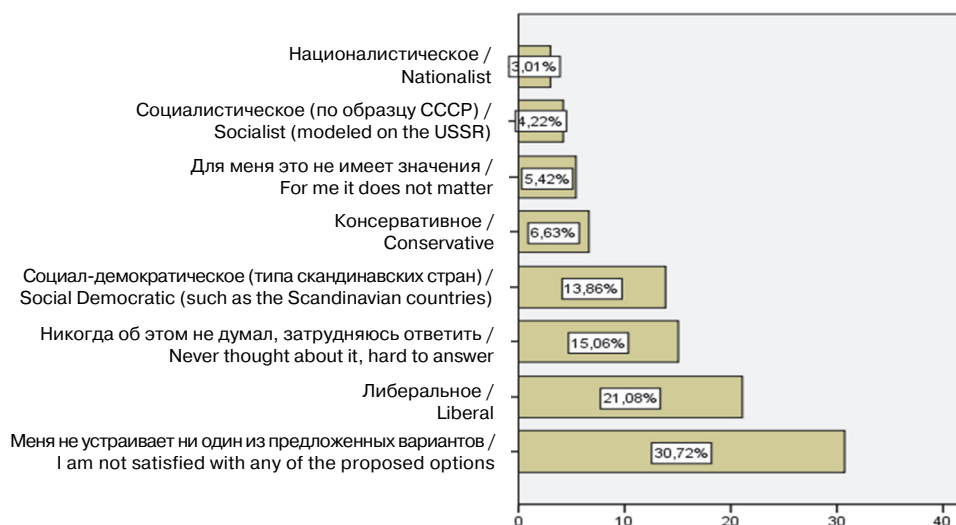

Рис. 4. Предпочтительный тип государства (сост. авторами) /
Fig. 4. Preferred type of state (compiled by the authors)

Из данной диаграммы видно, что наибольший процент получает либеральный тип государственной системы — 21,08%. Далее, в порядке убывания, идут социал-демократический тип государства по образцу скандинавской модели (13,86%), консервативный тип (6,63%), социалистический (4,22%) и националистический (3,01%) типы государственных систем. При этом наибольшее количество ответов пришлось на высказывание «Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов» — 30,72%, при том, что затруднившихся что-либо сказать по данному вопросу — 15,06%, а для 5,42% респондентов этот вопрос не имеет никакого значения. Таким образом, можно констатировать, что для половины представителей среднего класса вопрос о типе государства лежит вне плоскости их постоянной рефлексии.

Следующий массив данных, представленный на рис. 5, отражает распределение идеологической самоидентификации респондентов.

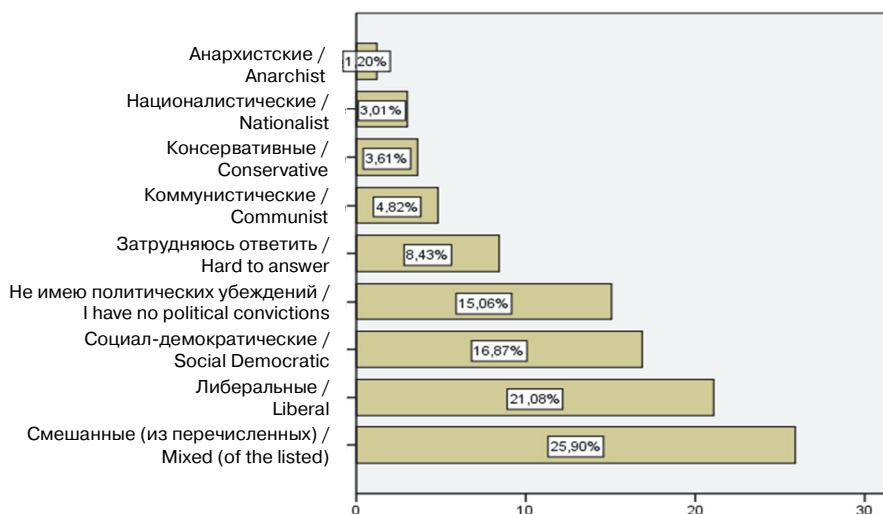

Рис. 5. Политическая самоидентификация (сост. авторами) / **Fig. 5.** Political self-identity (compiled by the authors)

В этом случае преобладает смешанный тип политических взглядов из всех предложенных — 26% (25,90%), в то время как либеральным политическим взглядам привержены 21% (21,08%) респондентов, почти 17% (16,87%) оценивают себя как социал-демократов, а коммунистические, консервативные, националистические и анархистские взгляды разделяют менее 5% (4,82, 3,61, 3,01 и 1,20% соответственно). При этом 15,06% респондентов указало, что не имеет политических взглядов, а 8,43% респондентов затруднились дать конкретную оценку по данному вопросу.

При составлении таблицы сопряженности различных позиций можно зафиксировать более развернутую картину предпочтений и моделей политического поведения. Так, в табл. 1 представлены данные по сопряженности позиций «Самооценка политических взглядов» и «Предпочтительный тип государства».

Таблица 1

**Сопряженность «Самооценки политических взглядов»
и «Предпочтительного типа государства для проживания»**

Предпочтительный тип государства	Самооценка политических взглядов		
	Либеральные	Смешанные (из перечисленных)	Не имею политических убеждений
Либеральное	19	7	6
	7,5%	2,8%	2,4%
	2,8	-1,3	-0,9
Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов	15	34	17
	6,0%	13,5%	6,7%
	-1,3	2,3	-0,3
Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить	4	6	16
	1,6%	2,4%	6,3%
	-1,5	-1,1	3,2

Table 1

**Contingency of “Self-assessment of political views”
and “Preferred type of state for living”**

Preferred type of state	Self-assessment of political views		
	Self-assessment of political views	Mixed (of the listed)	I have no political convictions
Self-assessment of political views	19	7	6
	7,5%	2,8%	2,4%
	2,8	-1,3	-0,9
I am not satisfied with any of the proposed options	15	34	17
	6,0%	13,5%	6,7%
	-1,3	2,3	-0,3
Never thought about it, hard to answer	4	6	16
	1,6%	2,4%	6,3%
	-1,5	-1,1	3,2

С помощью данных, представленных в табл. 1, можно зафиксировать три статистические зависимости: 1) четкое совпадение либеральной модели государства как предпочтительной для проживания и либеральной самооценки политических взглядов (7,5% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 2,8); 2) для респондентов со смешанными политическими взглядами отсутствует подходящий тип государства из всех предложенных (13,5% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 2,3); 3) лица, не имеющие каких-либо политических убеждений, никогда не думали на предмет предпочтительного типа государства для проживания (6,3% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 3,2).

Следующий массив данных посвящен такому важному аспекту политического поведения, как факторы политического участия молодежи за последние 2—3 года для защиты своих интересов. Для построения соответствующих факторов выбраны следующие наборы признаков: обращение в государственные органы власти; обращение в общественные организации; участие в забастовках, митингах, демонстрациях; участие в выборах; участие в работе политических партий; участие в работе общественных организаций; участие в несанкционированных акциях протеста; использование личных связей; материальная поддержка политиков, их проектов; обсуждение политики в социальных сетях, репосты политической информации. Полученные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Факторы политического участия молодежи за последние 2—3 года

Фактор	Компонент			
	1	2	3	4
Участие в несанкционированных акциях протеста	0,829			
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях	0,771			
Материальная поддержка политиков, их проектов	0,615			
Участие в работе общественных организаций		0,764		
Обсуждение политики в социальных сетях, репосты политической информации		0,746		
Обращение в общественные организации			0,823	
Обращение в государственные органы власти			0,759	
Использование личных связей и вознаграждения				-0,627
Участие в выборах				0,537
Участие в работе политических партий		0,441		0,471

Table 2

Factors of youth political participation over the past 2—3 years

Factor	Component			
	1	2	3	4
Participation in unauthorized protests	0,829			
Participation in strikes, rallies, demonstrations	0,771			
Material support of politicians, their projects	0,615			
Participation in the work of public organizations		0,764		
Discussion of politics in social networks, reposts of political information		0,746		
Appeal to public organizations			0,823	
Appeal to state authorities			0,759	
Use of personal connections and rewards				-0,627
Participation in elections				0,537
Participation in political parties		0,441		0,471

В табл. 2 представлена матрица повернутых компонент на основе вышеупомянутых признаков политического участия. Полученные четыре фактора можно интерпретировать следующим образом:

фактор 1 — «Участие в неконвенциональных формах защиты интересов», включает признаки, связанные с участием в несанкционированных акциях протеста, забастовках, митингах, демонстрациях при материальной поддержке политиков, их проектов;

фактор 2 — «Участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей»;

фактор 3 — «Обращение в государственные и общественные институты», включает одноименные признаки;

фактор 4 — «Участие в конвенциональных формах защиты интересов», включает признаки с обратной связью — чем меньше использования непубличных и неконвенциональных форм защиты собственных интересов, тем больше деятельности, связанной с участием в работе политических партий, а также участием в избирательных процессах.

Для построения факторов, определяющих формы политического участия для защиты своих интересов, были выбраны такие наборы признаков, как готовность: обращаться в государственные органы, в общественные организации; участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях, выборах, работе политических партий, работе общественных организаций, несанкционированных акциях протеста; использовать личные связи и вознаграждение; оказать материальную поддержку политикам, их проектам; вести обсуждение в социальных сетях, делать репосты политической информации. Полученные данные отображены в табл. 3.

Таблица 3

Факторы политического участия молодежи для защиты своих интересов

Фактор	Компонент			
	1	2	3	4
Готовность участвовать в работе политических партий для защиты своих интересов	0,813			
Готовность оказать материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов	0,710			
Готовность участвовать в работе общественных организаций для защиты своих интересов	0,591			
Готовность вести обсуждение в социальных сетях, делать репосты политической информации для защиты своих интересов		0,843		
Готовность участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях для защиты своих интересов		0,710		
Готовность участвовать в несанкционированных акциях протеста для защиты своих интересов		0,577		
Готовность обращаться в государственные органы для защиты своих интересов			0,878	
Готовность обращаться в общественные организации для защиты своих интересов			0,745	
Готовность участвовать в выборах для защиты своих интересов				0,706
Готовность использовать личные связи и вознаграждение для защиты своих интересов	0,440			-0,669

Table 3

Factors of youth political participation to protect own interests

Factor	Component			
	1	2	3	4
Willingness to participate in political parties to protect own interests	0,813			
Willingness to provide material support to politicians and their projects to protect own interests	0,710			
Willingness to participate in public organizations to protect own interests	0,591			
Willingness to lead discussions in social networks, to make reposts of political information to protect own interests		0,843		
Willingness to participate in strikes, rallies, demonstrations to protect own interests		0,710		
Willingness to participate in unauthorized protests to protect own interests		0,577		
Willingness to apply to state bodies to protect own interests			0,878	
Willingness to apply to public organizations to protect own interests			0,745	
Willingness to participate in elections to protect own interests				0,706
Willingness to use personal connections and rewards to protect own interests	0,440			-0,669

Исходя из данных, представленных в табл. 3, зафиксировано четыре фактора, которые можно интерпретировать следующим образом:

фактор 1 — «Активная конвенциональная форма защиты интересов», включающий признаки, связанные с участием в работе общественных организаций, политических партий, а также материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов;

фактор 2 — «Активная неконвенциональная форма защиты интересов», включающий признаки, связанные с участием в несанкционированных акциях протеста, забастовках, митингах, демонстрациях при постоянном обсуждении политических событий в социальных сетях;

фактор 3 — «Пассивная конвенциональная форма защиты интересов», включающий такие формы участия, как обращения в общественные и политические организации для защиты своих интересов;

фактор 4 — «Выборы vs личных связей» — в данном случае наблюдается обратная зависимость — чем значимее участие в избирательных процессах для защиты интересов, тем менее значимо использование личных связей и вознаграждения для защиты своих интересов.

Для выявления причинно-мотивационных факторов вступления в молодежные политические организации (МПО) и общие общественно-политические организации (ОПО) и участия в их деятельности выбраны следующие наборы признаков: совпадение целей и интересов; идеологические предпочтения; материальная заинтересованность; потребность в самореализации; наличие проблем, которые нельзя решить самостоятельно; потребность в общении; стремление к политической карьере. Полученные данные представлены в табл. 4.

В результате факторного анализа было получено пять новых факторов, которые можно интерпретировать как: целерациональные причины (фактор 1), самореализация в коллективе единомышленников (фактор 2), идеологические причины (фактор 3), карьерные устремления в политике (фактор 4) и дихотомия «Корпоративность»/«Материальность» (фактор 5).

Таблица 4

**Факторы причинно-мотивационного характера работы
в молодежных политических и общих общественно-политических организациях**

Фактор	Компонент				
	1	2	3	4	5
Совпадение целей и интересов (МПО)	0,699				
Наличие проблем, которые нельзя решить самостоятельно (МПО)	0,677				
Самореализация, самоутверждение (МПО)		0,625			
Потребность в самореализации (МПО)		0,599			
Материальная заинтересованность (МПО)		0,545			
Потребность в общении (МПО)		0,495			0,419
Идеологические причины (ОПО)			0,803		
Идеологические предпочтения (МПО)			0,792		
Стремление к политической карьере (МПО)				0,787	
Реализация своих интересов (ОПО)	0,490			0,656	
Общение с людьми близких интересов (ОПО)					0,668
Материальные соображения (ОПО)					-0,650

Table 4

**Factors of cause-motivational nature of work
in youth political and common social and political organizations**

Factor	Component				
	1	2	3	4	5
Coincidence of goals and interests (IGO)	0,699				
Problems that can not be solved independently (IGO)	0,677				
Self-realization, self-affirmation (IGO)		0,625			
The need for self-realization (IGO)		0,599			
Material Interest (IGO)		0,545			
The need for communication (IGO)		0,495			0,419
Ideological causes (GRO)			0,803		
Ideological preferences (IGO)			0,792		
Striving for a political career (IGO)				0,787	
Implementation of own interests (GRO)	0,490			0,656	
Communicating with people of similar interests (GRO)					0,668
Material considerations (GRO)					-0,650

Если построить иерархический кластерный анализ со всеми группами полученных выше факторов, которые и являются элементами моделей политического поведения молодежного среднего класса, то полученные данные позволят сделать выводы о, собственно, моделях политического поведения. Полученный кластерный анализ представлен на дендрограмме (см. рис. 6).

Таким образом, в качестве результата кластерного анализа сформированы четыре кластерных образования. Ключевыми элементами, которые образуют определенные модели молодежного политического поведения, являются: практики политического участия в последние два года; формы политического участия; причинно-мотивационный аспект участия/вступления в молодежные политические организации. Первое (верхнее) кластерное образование формирует первую модель молодежного политического поведения, включающего такие элементы (2, 6, 9 кластеры), как участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей; активную неконвенциональную форму защиты интересов и целерациональные причины вступления в молодежные политические организации.

Второе кластерное образование включает такие элементы (1, 5, 10 кластеры) модели поведения, как участие в неконвенциональных формах защиты интересов, активную конвенциональную форму защиты интересов (готовность) и самореализацию в коллективе единомышленников как причину вступления в молодежные политические организации.

Третье кластерное образование формирует третью модель молодежного политического поведения, включающего следующие элементы (3, 7, 13 кластеры): обращение в государственные и общественные институты, пассивную конвенциональную форму защиты интересов и факторы корпоративности и материальности как причину вступления в молодежные политические организации. Наконец, четвертое (нижнее) кластерное образование включает два кластера (4 и 8 кластеры): участие в конвенциональных формах защиты интересов и выборы vs личные связи.

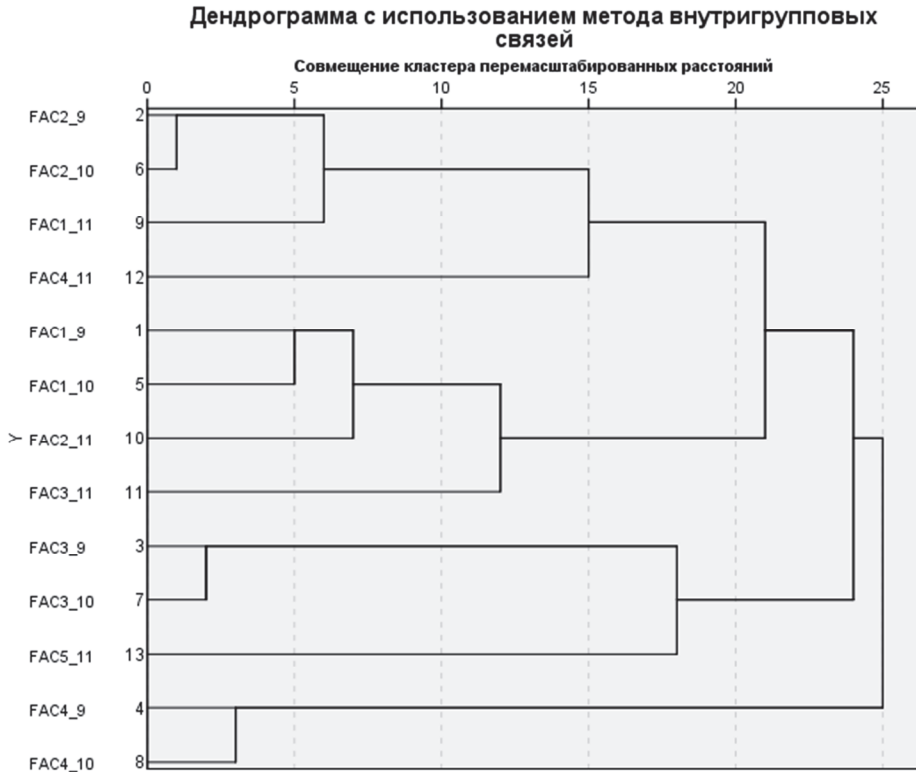

Рис. 6. Модели молодежного политического лидерства в современной России (сост. авторами) /

Fig. 6. Models of youth political leadership in contemporary Russia (compiled by the authors). Dendrogram using the method of intragroup connections.

Combining of the cluster of re-scaled distances

Легенда дендрограммы: / Legend of the dendrogram:

- FAC1_9 — Участие в неконвенциональных формах защиты интересов /
Participation in non-conventional forms of protection of interests;
- FAC2_9 — Участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей /
Participation in the work of public organizations using social networks;
- FAC3_9 — Обращение в государственные и общественные институты /
Appeal to state and public institutions;
- FAC4_9 — Участие в конвенциональных формах защиты интересов /
Participation in the conventional forms of protection of interests;
- FAC1_10 — Активная конвенциональная форма защиты интересов /
Active conventional form of protection of interests;
- FAC2_10 — Активная неконвенциональная форма защиты интересов /
Active non-conventional form of protection of interests;
- FAC3_10 — Пассивная конвенциональная форма защиты интересов /
Passive conventional form of protection of interests;
- FAC4_10 — Выборы vs личных связей /
Elections vs personal connections;
- FAC1_11 — Целерациональные причины /
Targeted reasons
- FAC2_11 — Самореализация в коллективе единомышленников /
Self-realization in a team of like-minded people;
- FAC3_11 — Идеологические причины /
Ideological causes;
- FAC4_11 — Карьерные устремления в политике /
Career aspirations in politics;
- FAC5_11 — «Корпоративность» — «Материальность» /
“Corporate” — “Materiality”.

ВЫВОДЫ

Таким образом, нами выделяются три основные политические модели, присущие представителям молодежи среднего класса, обозначаемые нами следующим образом:

— «Проактивная модель» (участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей; активная, иногда неконвенциональная форма защиты интересов, целерациональные причины вступления в молодежные политические организации, либеральная самоидентификация, достаточно критичное отношение к государству при готовности реализовывать свое активное избирательное право, социальный оптимизм или скептицизм);

— «Кооперативная модель» (готовность к участию в неконвенциональных формах защиты интересов, активная конвенциональная форма защиты интересов, потребность в самореализации в коллективе единомышленников, преобладание социал-демократической самоидентификации, склонность к участию в выборах социальный реализм);

— «Лоялистская модель» (готовность к обращениям в государственные и общественные институты, пассивная конвенциональная форма защиты интересов, ярко выраженные факторы корпоративности и материальности, скорее, декларируемое абсентеистское поведение, практически полное отсутствие политической самоидентификации, социальный реализм или скептицизм).

Очевидно, что понимание органами государственной власти доминирующих моделей политического поведения среди отдельных групп представителей молодежи должно иметь весьма практический смысл и учитываться при принятии тех или иных управленческих решений.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Благодарность: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Acknowledgments: The text of the article has been prepared within the framework of the project “Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation), RFBR grant No. 18-011-01184.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- [2] Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3 (5). С. 156—159.
- [3] Дорошенко С.В., Соломатин Я.И. Мегapolis как среда формирования политических ориентаций молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 157—170.
- [4] Ерофеева М.А., Белоус Е.Ю. Развитие молодежных инициатив как направление государственной образовательной молодежной политики // Педагогическое образование и наука. 2017. № 3. С. 123—127.

- [5] *Жилавская И.В.* Медиаобразование молодежи: монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 243 с.
- [6] *Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с.
- [7] *Ильинский И.М.* Молодежь и молодежная политика. Серия: Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 694 с.
- [8] *Ильинский И.М.* О молодежной политике российского политического централизма. М.: Социум, 1999. 102 с.
- [9] *Каратабан И.А.* Социальная активность молодежи в контексте современных модернизационных процессов // Вестник МГТУ. 2018. № 2. С. 128—134.
- [10] *Коряковцева О.А.* Концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 38. № 8 (229). С. 156—162.
- [11] *Коряковцева О.А., Гунта К.* Современная молодежь: гражданская активность и политическое участие // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы Седьмой Всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под научным ред. М.В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2015. С. 171—176.
- [12] *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 604 с.
- [13] *Малик Е.Н.* Средства массовой информации как институт политической социализации молодежи в современной России: монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. 168 с.
- [14] *Малькевич А.А.* Информационная политика России и проблемы политической социализации молодежи // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 97—102.
- [15] *Морозов М.М.* Электоральные предпочтения молодежи // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. М., 2018. С. 99—104.
- [16] *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. 264 с.
- [17] *Перина Е.И.* Социологический анализ особенностей политической культуры населения мегаполиса в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.
- [18] *Плотникова Т.В.* Политическое поведение в России (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 52 с.
- [19] *Поливаева Н.П.* Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-р полит. наук. М., 2009. 56 с.
- [20] *Попова Н.В.* Молодежные лидеры об организации работы с молодежью на промышленных предприятиях // ЦИТИСЭ. 2018. № 1. С. 18.
- [21] *Пушкарева Г.В.* Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. 44 с.
- [22] *Сергеев В.К.* Молодежная культура и СМИ. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 188 с.
- [23] *Стародубцева М.А.* Молодежные общественные организации и их роль в противодействии сектантству в интернет-среде // Достижения вузовской науки. 2018. С. 229—232.
- [24] *Старцева С.Г.* Динамика политических предпочтений региональной молодежи в условиях трансформации современного российского общества (на примере Вологодской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013. 26 с.
- [25] *Сурков В.Ю.* Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2019. № 028 (7504), 11.02.19. С. 2—4.
- [26] *Трофимова И.Н.* «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7). С. 60—78.

- [27] Фёдоров П.М. Петиции и обращения как форма политической активности в современном российском обществе // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43) С. 83—93.
- [28] Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: вынужденная маргинальность? Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 399 с.
- [29] Karagianni D., Montgomery A.J. Developing Leadership Skills among Adolescents and Young Adults: A Review of Leadership Programmes // International Journal of Adolescence and Youth. 2018. Vol. 23. P. 86—98.
- [30] Larina S.E. The Relationship Leadership Skills and Individual Personality Characteristics of Young People in Modern Russia // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. № 2. С. 11.
- [31] Murphy M.T. Youth in Front: Supporting Youth-led Social Action // Social Education. 2018. Vol. 82. № 5. P. 255—259.
- [32] Zeldin S., Gauley J., Krauss S.E. Youth-Adult Partnership and Youth Civic Development: Cross-national Analyses for Scholars and Field Professionals // Youth & Society. 2017. Vol. 49. № 7. P. 851—878.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174

Research Article

MODELS OF POLITICAL BEHAVIOR OF YOUTH MIDDLE CLASS OF MODERN AGGLOMERATIONS: ON THE EXAMPLE OF THE MAIN REGIONS OF THE NORTH-WEST AND SOUTH SIBERIA

O.V. Lagutin, E.O. Negrov

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The article deals with the peculiarities of the models of political behavior of young people, which can be attributed to the middle class. The relevance of the study is in the combination of a well-founded review of the main directions of research of the role of youth participation in the social and political process and the involvement of a specific empirical study conducted in the autumn of 2018, which allows to highlight various aspects of the situation. The empirical part of the study is based on the study “Ideas of Youth about Possibilities of Youth Leaders and Youth Organizations in Russia”, which was conducted in late September and early October 2018 in four regions of the Russian Federation: Altai, Leningrad and Novosibirsk Regions and St. Petersburg. The method of research was a personal standardized interview, the sample size was 1000 respondents (250 in each of the regions), who were representatives of young people aged 14 to 30 that permanently reside in the territory of the studied subjects of the federation. Based on factor and cluster analyzes, the research presents the main models of the political behavior of young people belonging to the middle class. The article is of interest to researchers of interconnections between the real political process and youth as a significant group of the population.

Key words: political behavior, youth, middle class, public opinion, factor analysis

REFERENCES

- [1] Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *The Youth of Russia: Sociological Portrait*. Moscow: TsSPiM; 2010. 592 p. (In Russ.).
- [2] Gukova I.N. Perspective Forms of the Development of Socio-Political Activity of Young People in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*. 2015; 3 (5): 156—159 (In Russ.).

- [3] Doroshenko S.V., Solomatin Ya.I. Megapolis as an Environment for the Formation of Political Orientations of Young People. *Bulletin of the PNRPU. Socio-economic Sciences*. 2018; 1: 157—170 (In Russ.).
- [4] Erofeeva M.A., Belous E.Yu. Development of Youth Initiatives as a Direction of the State Educational Youth Policy. *Pedagogical Education and Science*. 2017; 3: 123—127 (In Russ.).
- [5] Zhilavskaya I.V. *Youth Media Education*. Moscow: RIC MGGU named after M.A. Sholokhov; 2013. 243 p. (In Russ.).
- [6] Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. *Youth and Youth Policy in Modern Russian Society*. Moscow: Perspektiva; 2016. 166 p. (In Russ.).
- [7] Ilinsky I.M. *Youth and Youth Policy: Series Philosophy. History. Theory*. Moscow: Golos; 2001. 694 p. (In Russ.).
- [8] Ilinsky I.M. On the Youth Policy of Russian Political Centrism. Moscow: Socium; 1999. 102 p. (In Russ.).
- [9] Karataban I.A. The Social Activity of Youth in the Context of Contemporary Modernization Processes. *Vestnik MGTU*. 2018; 2: 128—134 (In Russ.).
- [10] Koryakovtseva O.A. Conceptual Foundations of the Development of Social and Political Activity of Young People in Post-Soviet Russia. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science*. 2016; Vol. 38; 8 (229): 156—162 (In Russ.).
- [11] Koryakovtseva O.A., Gunta K. Modern Youth: Civic Engagement and Political Participation. *Supplementary Professional Education in the Context of Modernization*. Materials of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Internet Conference (with international participation). Ed. by M.V. Novikova. Yaroslavl: State University named after K.D. Ushinsky; 2015: 171—176 (In Russ.).
- [12] Levikova S.I. *Youth Subculture*. Moscow: FAIR-PRESS; 2004. 604 p. (In Russ.).
- [13] Malik Ye.N. *Mass Media as an Institute for the Political Socialization of Youth in Modern Russia*. Orel: Publishing house ORAGS; 2009. 168 p. (In Russ.).
- [14] Malkevich A.A. Information Policy of Russia and Problems of Political Socialization of Youth. *Omsk University Bulletin. Series "Historical Sciences"*. 2015; 3 (7): 97—102 (In Russ.).
- [15] Morozov M.M. Electoral Preferences of Young People. *Formation of General Cultural and Professional Competencies of a Financier*. Moscow; 2018: 99—104 (In Russ.).
- [16] Omelchenko E.L. Youth Cultures and Subcultures. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; 2000. 264 p. (In Russ.).
- [17] Perina E.I. *Sociological Analysis of the Features of the Political Culture of the Population of a Metropolis in Contemporary Conditions*: Abstract of the PhD thesis in social sciences. Ekaterinburg; 2009. 24 p. (In Russ.).
- [18] Plotnikova T.V. *Political Behavior in Russia (socio-philosophical analysis)*: Abstract of the PhD thesis in philosophy. Rostov-on-Don; 2004. 52 p. (In Russ.).
- [19] Polivaeva N.P. *Political Consciousness in the Conditions of Transformation of Russian Society*: Abstract of the PhD thesis in political science. Moscow; 2009. 56 p. (In Russ.).
- [20] Popova N. Youth Leaders in the Organization of Work with Young People at Industrial Enterprises. *CITISE*. 2018; 1: 18 (In Russ.).
- [21] Pushkareva G.V. *Political Behavior: Theory, Methodology and Practical Possibilities of the Cognitive Approach*: Abstract of the PhD thesis in philosophy. Moscow; 2004. 44 p. (In Russ.).
- [22] Sergeev V.K. *Youth Culture and Media*. Moscow: RIC ISPI RAS; 2002. 188 p. (In Russ.).
- [23] Starodubtseva M.A. Youth Public Organizations and Their Role in Counteracting Sectarianism in the Internet Environment. *Achievements of High School Science 2018*. 2018: 229—232 (In Russ.).
- [24] Startseva S.G. *Dynamics of Political Preferences of Regional Youth in the Conditions of Transformation of the Modern Russian Society (on the example of the Vologda region)*: Abstract of the PhD thesis in political science. SPb.; 2013. 26 p. (In Russ.).

- [25] Surkov V.Yu. Putin's Long State. On What Happens Here in General. *Nezavisimaya Gazeta*. 2019; 028 (7504); 11.02.19: 2—4 (In Russ.).
- [26] Trofimova I.N. “Megapolis” and “Remote” as a Model of Value Orientations and Political Attitudes of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. 2014; 3 (7): 60—78 (In Russ.).
- [27] Fedorov P.M. Petitions and Appeals as a Form of Political Activity in Modern Russian Society. *Vestnik PAGES*. 2014; 4 (43): 83—93 (In Russ.).
- [28] Shabanov L.V. *Social and Psychological Characteristics of Youth Subcultures: Forced Marginality?* Tomsk: TSU Publishing House; 2005. 399 p. (In Russ.).
- [29] Karagianni D., Montgomery A.J. Developing Leadership Skills among Adolescents and Young Adults: A Review of Leadership Programmes. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2018; Vol. 23: 86—98.
- [30] Larina S.E. The Relationship Leadership Skills and Individual Personality Characteristics of Young People in Modern Russia. *The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2016; 2: 11.
- [31] Murphy M.T. Youth in Front: Supporting Youth-led Social Action. *Social Education*. 2018; Vol. 82; 5: 255—259.
- [32] Zeldin S., Gauley J., Krauss S.E. Youth-Adult Partnership and Youth Civic Development: Cross-national Analyses for Scholars and Field Professionals. *Youth & Society*. 2017; Vol. 49; 7: 851—878.

Информация об авторах:

Лагутин Олег Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Негров Евгений Олегович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197) (e-mail: st007528@mail.spbu.ru).

Information about the authors:

Oleg V. Lagutin — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Eugene O. Negrov — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197) (e-mail: st007528@mail.spbu.ru).

Статья поступила в редакцию 20.01.2019.

Received 20.01.2019.

Для цитирования:

Лагутин О.В., Негров Е.О. Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 157—174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174.

For citation:

Lagutin O.V., Negrov E.O. Models of Political Behavior of Youth Middle Class of Modern Agglomerations: On the Example of the Main Regions of the North-West and South Siberia. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 157—174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174.